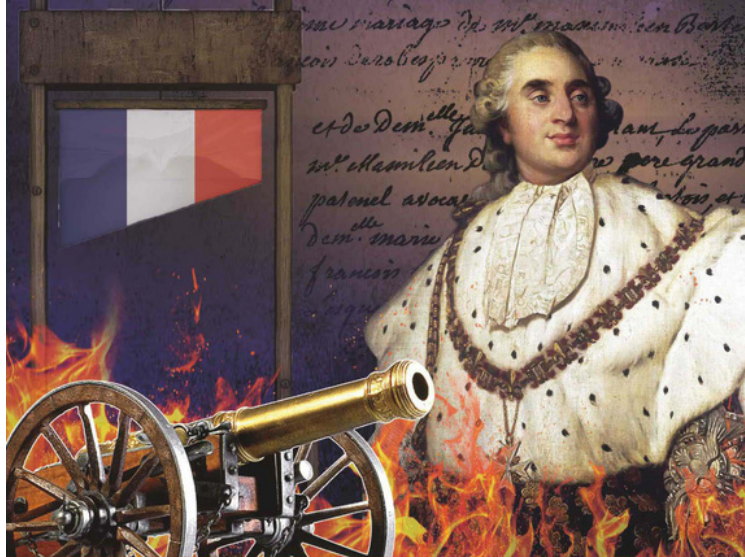

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

ЗЛОДЕИ И ЖЕРТВЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

МИРАБО И РОБЕСПЬЕР • ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ • ЛЮДОВИК XVI И КРАХ
ФРАНЦУЗСКОЙ МОНАРХИИ • ДЕМУЛЕН И ДАНТОН • ТАЛЕЙРАН
И БАРЕР • ГРАЖДАНИН СИЙЕС И ГЕНЕРАЛ БОНАПАРТ

Алексей Кириллович Толпыго
Загадки истории.
Злодеи и жертвы
Французской революции
Серия «Загадки истории (Фолио)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22027937

*А. К. Толпыго. Загадки истории. Злодеи и жертвы Французской революции: Фолио; Харьков; 2016
ISBN 978-966-03-5147-9, 978-966-03-7530-7*

Аннотация

Великая французская революция стала поворотным моментом в истории Франции, да, пожалуй, и всей Европы. На арену общественной жизни вышло третье сословие. События этой революции потрясут не только своей масштабностью, но и жестокостью: тысячи людей стали жертвами революционного террора, который, как обещали его вдохновители – Марат, Дантон, Робеспьер, – был призван расчистить дорогу в светлое будущее человечества. Так кто же был жертвой, а кто злодеем в этих страшных событиях? И почему злодей, случилось, превращался в жертву? И правильно ли видеть в человеке только белое или только черное? О выдающихся людях Французской

революции – Мирабо, Робеспьере, Марате, Дантоне, Талейране, Наполеоне и других – рассказывает эта книга.

Содержание

Введение	6
Краткий обзор событий революции	8
Мирабо и Робеспьер: «Лед и пламень»	15
Французской революции	
1	15
2	21
3	26
4	32
5	36
6	42
7	44
8	51
9	54
10	56
11	60
12	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

А. К. Толпыго
Загадки истории.
Злодеи и жертвы
Французской революции

© А. К. Толпыго, 2016

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2016

© Издательство «Фолио», марка серии, 2007

*О свобода! Сколько преступлений совершается
во имя твое!*

Слова Манон Ролан на эшафоте

Введение

...Республика, Империя были для него лишь отвратительными словами. Республика – гильотиной, встающей из полутьмы. Империя – саблей в ночи. Бросив туда взгляд, он с беспредельным изумлением, смешанным со страхом и радостью, увидел там, где ожидал найти лишь хаос и мрак, сверкающие звезды – Мирабо, Верньо, Сен-Жюста, Робеспьера, Камилла Демулена, Дантона и восходящее солнце – Наполеона...

Гюго. Отверженные

Книга, которая лежит перед читателем, написана в момент, когда мы сами переживаем нечто сходное.

Мы увидели то же, что видели французы двести с лишним лет назад: как революция начинается с радостных ясноглазых энтузиастов – и приходит к террору, убийствам и господству мародеров. Мы сами увидели, что именно гражданская война делает с людьми, как легко превращает друзей во врагов, если не хуже того. Теперь нам легче понять людей Великой французской революции – только уж очень дорогую цену мы платим за это.

Но, конечно, различия очень велики. Прежде всего, читатель должен помнить о том, что Франция, даже в революционной сумятице, оставалась великой и могучей европейской державой, а престиж французской культуры стоял невероят-

но высоко. Украина, как это ни обидно, не обладает ни тем ни другим. Да и лидеры...

Французская революция – пора ужасающих преступлений, но и потрясающих личностей. В этой книге я старался прежде всего изобразить личности: блистательного Мирабо, хитрого Барера, лентяя Верньо, «политического гугенота» Робеспьера, сосредоточенного, ушедшего в себя Сийеса, «избалованного дитя Революции» Демулена... О любом из них можно сказать МНОГО ПЛОХОГО, но одного у них отнять нельзя – все это ЛИЧНОСТИ крупного масштаба. И следить за деятельностью этих людей необыкновенно интересно. Только лучше и спокойнее делать это с исторической дистанции в двести лет...

Краткий обзор событий революции

*История – цельнотканый гобелен. Напрасны
наши попытки выхватить из него кусок большие
ладони.*

Торнтон Уайлдер. День восьмой

Прежде чем обратиться к судьбам людей, сыгравших ту или иную роль в Великой революции, стоит очень коротко – чтобы читателям легче было следить за этими судьбами – напомнить общую канву событий.

Король Людовик XVI вступил на престол в 1774 году. К этому моменту династия Капетингов занимала французский престол без малого 800 лет: первые три сотни лет – прямая линия, после смерти Карла IV Красивого – младшая ветвь Валуа, а когда вымерли также и Валуа – Бурбоны. Они правили уже 200 лет, и казалось, ничто не может поколебать эту династию.

Но, начиная с 1787 года, в стране начались серьезные волнения, которые усугубил финансовый кризис: он-то и стал непосредственной причиной Революции.

В конце 1788 года король Людовик XVI объявил о созыве Генеральных Штатов; они были созваны 5 мая 1789 года, и обычно именно от этой даты отсчитывают период Револю-

ции.

Через полтора месяца, 17 июня, Штаты сами себя провозгласили Национальным собранием, а еще через месяц, 14 июля (день, который с тех пор празднует Франция), народ Парижа штурмом взял Бастилию. С этого момента фактически сила была на стороне революционеров, кроме того, по всей стране начались крестьянские бунты: жгли дворянские замки.

Однако пока что речь отнюдь не шла о ликвидации монархии. Даже когда король попытался бежать в провинцию, к верным войскам (это случилось через 2 года, в июне 1791 года) и его вернули, Национальное собрание, после некоторого колебания, восстановило его на троне. Осенью того же 1791 года была провозглашена конституция: отныне Францией, уже как конституционной монархией, правил король и Законодательное собрание. И было торжественно объявлено, что революция окончена.

Но не тут-то было. Революция продолжалась, притом дело осложнилось начавшейся войной с Австрией (война будет, с короткими перерывами, продолжаться 23 года). Виновным во всем стали считать короля, и 10 августа 1792 года народ двинулся на королевскую резиденцию Тюильри. Народ одержал победу – король был свергнут, арестован, затем его судили и казнили (21.01.1793). В том же 1793 году была казнена и его вдова, королева Мария Антуанетта; 1793-й и 1794 годы вошли в историю как годы Террора.

Созванный после свержения короля Конвент должен был выработать новую конституцию. Фактически же Конвент заседал чуть более 3 лет и занимался всем, чем угодно, прежде всего управляя страной. К концу своего правления Конвент стал всем ненавистен, и к моменту окончания его работы в Париже было поднято восстание, на этот раз – против Конвента.

Восстание было жестоко подавлено, войсками Конвента руководили член Конвента, бывший виконт и пехотный офицер Баррас, а также молодой генерал от артиллерии Бонапарт. В награду он получил командование над итальянской армией (Франция к тому времени вела войну сразу на нескольких фронтах, итальянский был второстепенным, но все-таки).

Вернемся теперь назад, и упомянем несколько опорных дат («дней») Революции.

Это были дни, когда шел очередной вал Революции, когда народ (или, если угодно, толпа – зависит от ваших, читатель, политических симпатий) шел в наступление.

Первым из «дней» считается 14 июля 1789 года – взятие Бастилии.

Далее – ночь на 4 июля 1789 года: Национальное собрание принимает решения об отмене всех дворянских привилегий.

5 – 6 октября 1789 года: народ идет на Версаль. Король и его семейство вынуждены переехать из Версаля в Париж; в Версаль никто из них уже не вернется.

Далее наступает период условного спокойствия, «дней» не было. Но 20 июня 1792 года народ идет в Тюильри и требует короля к ответу. «День», однако, окончился мирно, бунтовщики провели несколько часов в Тюильри и ушли.

Но через полтора месяца народ вновь идет на Тюильри. Дворец взят, его швейцарская охрана перебита, король низвергнут, Законодательное собрание объявляет о самороспуске и назначает выборы в Национальный Конвент.

2 – 3 сентября 1792 года – «сентябрьские убийства»: толпа врывается в парижские тюрьмы и линчует множество заключенных. Число жертв оценивают примерно в полторы тысячи.

22 сентября 1792 года – начало работы Конвента.

21 января 1793 года – казнь «гражданина Капета» – бывшего короля Людовика XVI.

31 мая – 2 июня 1793 года – решительное столкновение двух партий Конвента (условно – жирондистов и монтаньяров). Конвент исключает из своего состава 29 жирондистов, в нем создано новое большинство монтаньяров.

Июль 1793 года: молодая девушка Шарлотта Корде (внучка великого Корнеля) убивает Марата.

5 сентября 1793 года – «народный натиск» и начало Террора. Отметим любопытную деталь: 5 сентября произошло солнечное затмение. В другие эпохи, несомненно, его бы восприняли как зловещее знамение (так фактически и получилось), но время было просвещенное, и на затмение особо-

го внимания не обратили.

5 октября 1793 года – Конвент вводит новый революционный календарь. Отсчет новой эры ведется от 22 сентября 1792 года, месяцы получают новые названия и делятся не на недели, а на декады. На протяжении следующих 14 лет историки (особенно французские) дают событиям не одну, а две даты: по обычному и по революционному календарю (например: 9 термидора II года, или же 27 июля 1794 года). Этот календарь просуществовал до 1806 года, когда был отменен императором Наполеоном.

Март 1794 года (вантоз II года): эбертисты поднимают восстание, однако впервые за 5 лет мятеж кончается неудачей и казнью его вдохновителей.

Апрель 1794 года: суд над Дантоном и его друзьями. Казнены вдохновитель 14 июля Камилл Демулен, организатор 10 августа Жорж-Жак Дантон, автор конституции 1793 года Эро Сешелль, автор революционного календаря Фабр и ряд других видных политиков.

27 июля 1794 года (9 термидора II года) – решающее столкновение в Конвенте между Робеспьером и его противниками. На следующий день казнены Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и ряд других политиков. Конвент одержал решительную победу над Парижской коммуной (то бишь мэрией Парижа).

1 прериала III года – последняя серьезная попытка революционеров взять реванш за поражения.

11 – 13 вандемьера IV года (3–5 октября 1795 года) – мятеж, подавленный Баррасом и Бонапартом.

После окончания работы Конвента, согласно новой конституции, Францию возглавляла Директория из 5 членов. Она сама, впрочем, не управляла, а только назначала министров и других важнейших чиновников. Режим Директории существовал до 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года), когда был совершен очередной государственный переворот (в скобках заметим, что за годы Директории было совершено 5–6 государственных переворотов). Власть была временно передана трем консулам: Бонапарту, Роже-Дюко и Сийесу. Через несколько недель была принята новая конституция, по которой также вводились должности трех консулов, однако вся власть сосредотачивалась в руках Первого консула (Второй и Третий имели только совещательный голос). Эту должность занял генерал Бонапарт. Через 5 лет он был провозглашен императором Французской Республики. Затем имя Республики мало-помалу исчезло, его заменила Империя.

Наполеоновская империя существовала до 1814 года, когда Наполеон был свергнут европейской коалицией, которая восстановила на троне Бурбонов. Наполеон был сослан на остров Эльбу, королем стал Станислав-Ксавье, брат казненного Людовика XVI, принявший тронное имя Людовика XVIII. У читателей, разумеется, возникает вопрос: а где же Людовик XVII? Ответ: в 1793–1795 годах роялисты при-

знавали королем сына казненного Людовика XVI, десятилетнего мальчика, который был в руках революционеров и вскоре (в 1795 году) умер.

Весной 1815 года Наполеон бежал с Эльбы, сверг короля и вторично стал императором («Сто дней»). После поражения при Ватерлоо (18 июня 1815 года) он сдался англичанам, был отправлен в Южную Атлантику, на остров Св. Елены, где и умер в 1821-м. Законная династия Бурбонов (сначала Людовик XVIII, потом его брат Карл X) правила до 1830 года, когда была свергнута Июльской революцией. Трон занял представитель младшей ветви Бурбонов – Луи-Филипп Орлеанский, который в 1848 году, в свою очередь, был свергнут новой революцией. Дальнейшие события также очень интересны, но явно выходят за рамки нашего обзора.

Мирабо и Робеспьер: «Лед и пламень» Французской революции

1

Томас Карлейль в своем исследовании Французской революции, описывая шествие тысячи двухсот депутатов 5 мая 1789 года, в первую очередь глядит на «величайшего из депутатов нации», то есть Мирабо. Во вторую же очередь он ищет самого незаметного. «Да вот же он! – говорит Карлейль – вот этот незадачливый человечек в лиловом фраке, чистенький, незначительный. Это Максимилиан Робеспьер».

Конечно, Карлейль написал не столько исследование, сколько поэму в прозе о Великой революции, и его оценки – далеко не последнее слово Истории.

И все же он прав уже в том, что сравнивать этих двух людей, как кажется, можно только по контрасту. Трудно представить себе более непохожих.

Вот они: аристократ и буржуа; человек, вся жизнь которого была увлекательнейшим романом любви и сладострастия, тюрем и побегов из них, долгов, дуэлей – и тихий адвокат из Арраса; урод, покорявший женщин темпераментом, красноречием и мощью своей личности – и молодой человек при-

ятной, но заурядной наружности, довольно равнодушный к прекрасному полу. Один – пламенный провансалец с итальянской кровью в жилах, другой – тихий чистенький северянин. Робеспьер никогда не был женат; бракоразводный процесс Мирабо, как и судебные тяжбы его отца с его матерью, были чуть не самыми громкими за все XVIII столетие.

Род Мирабо дал столько замечательных людей, что Дюма, Пикулю или Морису Дрюону хватило бы на десяток романов – и притом достаточно было бы следовать фактам, ну, может быть, кое-где сдабривая их семейными преданиями. Род Робеспьеров – это поколение за поколением судебных чиновников, принадлежащих к элите аррасского третьего сословия, не меньше, но и не больше. В нем были добросовестные, порядочные люди – их гораздо больше, чем в роду Мирабо, но вплоть до последнего десятилетия XVIII века ни одного, кто бы чем-то заметным отличился. Словом, Робеспьер – это «типичный представитель третьего сословия», занимающий свое законное место в обществе, невысокое (если он иногда подписывался «Деробеспьер», то только из безобидного тщеславия), но прочное положение, тогда как Мирабо – представитель высшего сословия, но явно нетипичный, представитель высшей знати, но, в отличие от Робеспьера, деклассированный.

Таковы они как люди. Но и как политики – они почти во всем антиподы.

В тот короткий период, когда их судьбы пересеклись –

это было в Учредительном Собрании, членами которого оба они были, – им дали такую характеристику: «Мирабо – факел Прованса, Робеспьер – свеча Арраса». Действительно – пылающий факел и свечка, горящая ровным слабым пламенем...

Один – блестящий тактик, который мечется из стороны в сторону, держа в уме свою основную цель, но при этом готовый добиваться ее разными средствами, настолько разными, что неизбежно задаешься вопросом, есть ли у него какие-то принципы. Другой – строго принципиален, пожалуй – слишком принципиален.

Один – оратор от Бога, другой колоссальным трудом добился того, что стал хорошим – может быть, очень хорошим оратором, но никак не более того. Мирабо, как и Робеспьер, читал речи по бумажке (причем ему сочинял эти речи целый штат спичрайтеров, а Робеспьер писал их сам). Но при этом Мирабо умел также и блестяще импровизировать, Робеспьеру это дано не было.

Мирабо запятнан буквально всеми пороками⁹, но он неповинен в крови, пролитой Революцией. Робеспьер – человек честный, можно сказать, безгрешный, но он, при всех его добродетелях, стал символом Террора, на его совести тысячи жертв.

⁹ Его младший брат, Мирабо-Бочка, когда его упрекали в пьянстве, пожимал плечами: «Чего же вы хотите? Моя родня забрала все остальные пороки себе, оставила мне только этот».

Однако Робеспьеру, который в талантах не мог сравниться с Мирабо, удалось то, чего не мог сделать тот. Возглавляемый им Комитет общественного спасения сумел-таки переломить ход событий, остановить сползание страны к полному хаосу и восстановить – пусть чудовищной ценой – некий порядок и власть, которую все волей-неволей должны были признавать, которую должны были слушаться.

Жизнь Мирабо была невероятно яркой; жизнь Робеспьера – довольно-таки тусклой. Но последние два дня его жизни были намного драматичнее, чем все приключения, выпавшие на долю Мирабо.

Однако при всех различиях есть одна, решающая черта, которая их роднит. Мирабо и Робеспьер – единственные два человека, которых без сомнений можно назвать вождями Революции. (С некоторыми колебаниями можно добавить к ним Дантона.)

Французская революция вообще не была революцией вождистского типа. Вождей революции в точном смысле этого слова в ней не было вообще. Да и с вождями партий...

Нынешняя политика вообще не знает *политических* партий как таковых. В Украине, к примеру, есть только партии вождей. Нет либеральных или социал-демократических партий: есть партия Тимошенко, партия Порошенко. Также и большевистская партия – это прежде всего партия Ленина. В других странах этот принцип выражен не столь ярко, но и там в наши дни роль вождя очень значительна (напри-

мер, «партия Ле Пен»). Французская революция относится к другой исторической эпохе, и если, к примеру, жирондистов иногда называли «бриссотенами» (по имени одного из их лидеров Жака-Пьера Бриссо), то это сильное преувеличение. Почему Бриссо, а не Верньо, лучшего оратора жирондистов? А может быть, Жансонне, Кондорсе или Петиона? Любого из них можно с известным правом назвать лидером жирондистов, а потому никого из них нельзя назвать *вождем*.

И уж тем более в революции в целом нет возможности называть ни вождя, ни даже лидера. Но все-таки было два человека, которые в определенный период олицетворяли собой Революцию. Эти двое – Мирабо и Робеспьер.

И при этом ни тот ни другой, имея колоссальное влияние, так и не сумели стать вождями партии, и потому огромная популярность сыграла в их судьбе двусмысленную, можно даже сказать – роковую роль.

И последнее. Возможно, именно Мирабо, точнее, разоблачение пресловутой «измены Мирабо», о которой речь пойдет ниже, по контрасту вызвало, так сказать, дух Робеспьера. Разочаровавшись в Мирабо, народ пошел за его антиподом. Ярко сформулировал эту мысль французский историк Эдгар Кине:

«Махинации Мирабо имели два последствия, сказавшиеся на дальнейшем ходе революции. Его пример сперва возбудил, потом узаконил подозрение. Каждый мог думать, что его обманывают. При этом открытии нация в одну минуту по-

старела на несколько лет.

Второй результат – желание найти неподкупного. Где тот правдивый человек, которого нельзя купить за все золото мира? Существует ли он где-нибудь? Пусть он появится, с чистым сердцем и чистыми руками: и народ отдаст-ся ему. Продавшийся Мирабо вызвал появление неподкупного Робеспьера».

Может быть, даже наверно, это преувеличение историка-романтика (XIX век дал множество историков романтического направления), и роль Мирабо в «старении нации» была не столь уж важной. Но посмотрим, кто эти люди и как складывались их судьбы.

2

Как уже было сказано, род Мирабо дал целую плеяду замечательных людей. К примеру, если верить семейному преданию, в битве при Кассано дед великого Мирабо получил приказ остановить атаку своего полка. Выполнять приказ он не хотел. Но приказ есть приказ – и что же он сделал? Он повиновался: велел солдатам лечь и, подражая Баярду или предвещая Бонапарта, устремился на мост, один против армии принца Евгения. Вражеский огонь чуть не снес ему голову, которая потом держалась только благодаря железному воротнику, торчащему из-под галстука («это было в том бою, где я был убит», – говаривал он потом, не слишком отклоняясь от истины).

Еще одна семейная легенда, и уж тут вполне достоверная, рассказывает о представителе другой ветви семьи, инженере Рикетти, который решил построить канал, соединяющий Средиземное море с океаном. Опасаясь не дожить до конца строительства, он торопил дело; между прочим, ради этого он даже – что бы вы думали? – оплачивал больничные листы. Он решил, что так больше шансов, что заболевший выздоровеет и сможет еще работать.

«А как же иначе?» – спросят читатели. В том-то и дело, что никогда такого не было! Всегда само собой разумелось, что за работу платить надо, но платить за безделье (напри-

мер, если кто заболел) нелепо. Сам виноват, пусть сам и выздоравливает. Решение Рикетти было беспрецедентным!

До конца строительства он все-таки не дожил (канал достроили через полгода после его кончины), а вот семью разорил. Впрочем, получил титул барона. А другая ветвь семьи – та, которая интересует нас, – влилась в высшую знать Франции, глава семьи носил титул маркиза, его старший сын – графа.

Канал «Миди» существует и сейчас; он потерял экономическое значение, зато стал приманкой для туристов и является непременным объектом всех туров по Провансу.

Однако вернемся к деду Мирабо. После того как он «был убит при Кассано» и получил прозвище Серебряный воротник, он оставил службу и отправился лечиться. Там встретил молодую девушку – богатую наследницу и одну из красивейших женщин своего времени (по крайней мере, такая потом шла о ней слава) – и умудрился такой, какой он есть, обольстить ее, женился, прижил семерых детей и дожил до 70 лет. По тогдашним временам и для здорового человека это можно было бы счесть долгой жизнью.

Из семи детей выжило трое, все мальчики, и все они тоже были довольно-таки примечательными людьми. Второго сына, Бальи де Мирабо, собирались сделать морским министром и представили всемогущей фаворитке, госпоже Помпадур, он ей вроде бы и понравился, но оттолкнул своей непримиримостью. «Как жаль, – сказала она, – что у всех

Мирабо такие горячие головы!» — «Мадам, — ответил он, — умные и холодные головы уже наделали столько глупостей, что, возможно, не мешало бы испытать горячие».

Не знаю уж, был он прав или нет, во всяком случае, портфель министра отдали другому. Однако пора перейти к старшему сыну, Виктору Рикетти маркизу де Мирабо.

Он родился в 1715 году. В отличие от отца, не стремился к военной карьере. Тем не менее его отправили в военную академию, и он даже участвовал в польской войне (Франция воевала за то, чтобы вернуть Станислава Лещинского на польский трон). Впрочем, воякой он оказался довольно жалким и как только получил наследство (в 1740 году), тут же оставил службу.

Годом раньше он познакомился с великим Шарлем де Монтескье, который следующим образом охарактеризовал молодого офицера: «Сколько гениальности в этой голове, и как жаль, что из нее можно извлечь только буйство!»

Действительно, Виктор Мирабо был человеком весьма замечательным, но почему-то все его немалые достоинства шли только во вред (то же, с оговорками, можно сказать и о его великом сыне). Он мечтал преобразовать политэкономию, мечтал о славе и богатстве. Чтобы стать богатым, он женился на очень богатой (как он рассчитывал) невесте, но просчитался. Практические занятия политэкономией привели его к разорению. Что же касается славы, тут он добился большего. Когда ему было около 50 лет, он разом из

заурядного провансальского дворянина (пусть маркиза, но провинциального маркиза, следовательно, знатность его второго разряда) превратился в одного из самых знаменитых людей Европы. А именно: в 1750-х годах Виктор Мирабо выпустил два эссе. Первое, под непритязательным названием «О собраниях в провинции», посвящено идее местного самоуправления. Он предлагает создать по всем регионам Франции провинциальные Штаты (то есть представительные собрания – облсоветы, сказали бы мы) с правом устанавливать налоги. При этом он предлагает дать в них третьему, самому многочисленному сословию двойное представительство – столько же мест, сколько имеют духовенство и дворяне вместе взятые.

«И все, – спросит читатель, – и это так важно?»

Но обе эти идеи сыграли колоссальную роль в 1789 году. Впрочем, тогда уже мало кто помнил, что первым эти идеи высказал маркиз Мирабо, а сорока годами раньше никто не помышлял о созыве Штатов, так что на первую брошюру большого внимания не обратили. Зато вторая произвела фурор, а ее название оказалось столь броским, что маркиз Мирабо сделал в дальнейшем это название своим прозвищем. Она именовалась «Друг людей»¹⁰.

В сущности, и это эссе не так уж интересно. Но целый ряд

¹⁰ Тут стоит, забегаая на треть века вперед, сказать, что главными врагами графа Оноре Габриэля Мирабо были двое – его отец, Друг людей маркиз Виктор Мирабо, а также Друг народа Жан-Поль Марат. Любопытное совпадение!

фраз из него произвели огромное впечатление на публику и вошли в историю. «Рантье – это наслаждающийся жизнью бездельник, – писал маркиз Мирабо, – большинством своих бед общество обязано ему... владельцы крупных состояний в государстве – все равно, что щуки в пруду... гнев Божий питается слезами угнетенного народа...»

В наши дни подобные максимы ни на кого не произведут впечатления. Но когда подобные вещи говорят впервые – впечатление колоссальное. И еще была в эссе одна пророческая фраза: «Те, кто не видит опасности, слепы, ибо мы подошли к ней вплотную».

Маркиз Мирабо тут же прослыл большим авторитетом в области экономики, а доктор Кенэ, врач мадам Помпадур, включил его в свой список экономистов-«физиократов». Сам маркиз несколько более реалистично оценивал свой труд, но слава кого угодно собьет с толку: он стал важно рассуждать о «естественном порядке» и «чистом продукте»¹¹, он очень надеялся стать министром. Но его сильно компрометировал (так он считал) его непутевый сын...

Вот мы и подошли к личности первого из наших героев.

¹¹ Понятие «чистого продукта» считалось тогда ключевым в теориях физиократов. Нечто сходное придумал потом Маркс, назвав свое изобретение «прибавочной стоимостью».

У маркиза Виктора Мирабо с женой было 11 детей, из которых выжили пятеро. В 1749 году маркиза Мирабо родила очередного ребенка. Роды были трудными, и мальчик родился на свет уже несколько изуродованным: у него была непропорционально огромная голова, вывернутая нога и уздечка на языке. Боялись, что он так и не научится говорить, но страхи оказались напрасны: научился, да еще как! Мальчика, которому предстояло затмить славу отца, называли Оноре Габриэлем.

Отец, знавший, что в роду Мирабо рождаются одни красавцы, был горько разочарован, и это разочарование сыграло решающую роль в жизни Оноре Габриэля, а может быть, правильнее сказать – в судьбах Франции. В три года – новое несчастье: оспа, которая тогда не щадила никого. Рябым был, к примеру, также и «Мирабо простонародья» – Жорж-Жак Дантон; но Оноре Габриэль был изуродован оспой сильнее других, поскольку ребенка крайне неудачно лечили, и лицо его превратилось в какую-то страшную рожу. «Твой племянник уродлив, как отпрыск Сатаны», – писал Виктор Мирабо своему брату Бальи. И в дальнейшем он крайне отрицательно и пристрастно относился к старшему сыну, предпочитая ему второго сына – Бонифация виконта Мирабо, вошедшего в историю под прозвищем Мирабо-Бочка.

А между тем мальчик рос невероятно способным ко всему – к наукам, к добру и к злу, к злу особенно. Его брат Бочка позже говаривал: «В другой семье меня бы считали человеком умным и порочным. Но когда меня сравнивают с братом, меня считают относительно добродетельным, но зато дураком».

Однако отец не желал видеть в старшем сыне никаких достоинств, одни недостатки, которые были, были! К пятнадцати годам юному Мирабо уже угрожает исправительный дом, причем, по мнению отца, «его необъяснимое умственное расстройство неизлечимо». Идею насчет исправительного дома еще можно оправдать, но мнение об «умственном расстройстве» понять очень трудно. В 1768 году юноша попадает в крепость – в первый, но далеко не в последний раз – по просьбе отца, который вытребовал для этого специальное «королевское письмо». Об этих письмах надо сказать несколько слов.

Словосочетание *lettre de cachet* не имеет русского аналога, их называют «закрытыми письмами», «личными королевскими приказами» и еще как-то. Мы позволим себе назвать их «королевскими письмами», по такому письму во Франции можно было арестовать и отправить в тюрьму любого человека без предъявления обвинений. Ими широко пользовались многие аристократы, которым сравнительно легко было добиться подобного письма. Но маркиз Мирабо был в этом отношении уникален: за свою долгую жизнь он раздо-

был около 40 «королевских писем» против своих жены и детей. Сам он как-то раз с черным юмором добродушно рассказывал о себе:

«Я встретился со своим другом, которого не видел 20 лет; у нас состоялся с ним следующий разговор:

– Закончен ли ваш процесс с госпожой маркизой? – любезно спросил меня друг.

– Я его выиграл, – гордо ответил я.

– Где же она?

– В заточении.

– А ваш сын?

– В заточении.

– А ваша дочь из Прованса?

– В заточении.

– Что же, вы взяли на себя заполнение острогов?

– Да, сударь, и будь вы моим сыном, то давно были бы там же...»

Кстати, мать Мирабо тоже была редкой сутяжницей, список судебных дел маркизы Мирабо насчитывает более 60 номеров. Стоит упомянуть, что во время своих бесконечных тяжб с мужем она среди прочего обвинила его в том, что он заразил ее болезнями, *которые наверняка происходили не из чистого продукта*. Этот каламбур не просто развеселил всю Европу: он надолго скомпрометировал и понятие *чистого продукта*, да и всех физиократов заодно.

Итак, в 1768 году молодой Мирабо впервые становится

«государственным заключенным»: по «королевскому письму» молодой человек отправлен в крепость на остров Ре.

Оноре быстро очаровал губернатора острова, да и всех его подчиненных. Настолько, что через несколько месяцев происходит неординарное событие: узник крепости становится французским офицером и отправляется воевать на Корсику. В боях он отличился и получил звание капитана драгунов, а по окончании военных действий – заслуженный отпуск. К отцу он на всякий случай не поехал; поехал к его младшему брату, своему дяде Бальи Мирабо.

Тот раньше слышал (вернее, читал в письмах) только самые нелестные отзывы о племяннике от брата. Но, увидев юношу, он разобрался в нем намного лучше, чем родной отец. Об этом говорит его письмо маркизу: «Если он не будет хуже Нерона, то станет лучше Марка Аврелия¹², так как никогда еще я не встречал такой сильный ум... Или это будет величайший обманщик вселенной, или самый великий деятель Европы, способный стать Римским Папой, министром, генералом на суше или на море, канцлером или замечательным сельским хозяином».

В 1771 году Оноре Габриэль в Париже. Он представлен ко двору; он серьезно готовился, рассчитывая произвести впечатление. Увы, Людовик XV не обратил на молодого человека внимания: тот преклонил колени, встал, чтобы начать

¹² Как положено в Веке Просвещения, Бальи Мирабо ссылается на античные образцы: «образцово дурного» и «образцово превосходного» императоров.

свою речь, и увидел, что король уже перешел к следующему молодому человеку. Рана, нанесенная самолюбием, не зажи-вала долго. Мирабо вернулся домой... но прежде чем последовать за ним, расскажем об одном эпизоде его пребывания в Париже.

Однажды ночью Мирабо возвращался из притона. Кто-то окликнул его карету; он велел кучеру остановить лошадей и вышел. К нему, немного прихрамывая, подошел совсем молоденький аббат.

– Сударь, можно вас попросить об услуге?

– Разумеется, – ответил Мирабо, – что вам угодно?

Аббату угодно было, чтобы Мирабо приказал кучеру поставить карету рядом с забором; он взобрался на карету, оттуда перемахнул на забор и шасть в свою семинарию. Впрочем, перед тем как исчезнуть, он представился: то был аббат Шарль Морис Перигор, более известный под именем Талейрана.

Рыбак рыбака видит издалека; два молодых человека (Талейран был на 5 лет моложе Мирабо), оба из знатных родов, оба фантастически талантливые и сильно испорченные, быстро сдружились. И именно Талейран на следующий день после смерти Мирабо, когда вся страна скорбела о великом трибуне, прочел в Национальном собрании последнюю речь, написанную Мирабо, речь, которую тот сам уже не смог прочесть.

Но это случится много лет спустя. А сейчас молодой Ми-

рабо возвращается в Прованс. Отец ему по-прежнему не доверял, денег у него не было, было только огромное честолюбие. Что же делать? Он решил, что лучший выход – выгодно жениться. (Кстати, тут его бы поддержал и отец, которому тоже вечно не хватало денег.) Он едет в Экс, столицу Прованса, и начинает сватовство...

Но здесь начинается рассказ о трех женщинах Мирабо.

«Как, – спросит читатель, – только три?»

Разумеется, у Мирабо было их тридцать три или намного больше, но особую роль в его жизни сыграли три. Первая – его жена.

Как сказано, Мирабо считал, что лучшим выходом из его бед и безденежья был бы выгодный брак. Он начинает добиваться руки богатой и знатной Эмили де Кове, дочери маркиза де Мариньян, первой невесты в округе. Однако у нее уже были поклонники получше, чем полунисий и уродливый Мирабо, и жениху отказали – впрочем, вполне корректно, но решительно.

Узнав об этом, отец сильно рассердился и обвинил во всем сына. «Вы потеряли свое состояние по собственной вине, – писал он сыну, – все ваши поступки друг друга стоят; приказываю вам немедленно покинуть Экс, иначе вас отправят под конвоем на остров Сент-Маргерит» [то есть в тюрьму – А. Т.].

Однако Оноре был упрям и решил не сдаваться. Он продолжал ухаживать за Эмили, та готова была поощрять его ухаживания, поскольку он был несравнимо умнее и острее, чем ее официальный жених. В конце концов он сумел настолько скомпрометировать даму, что пришлось ее выдать за Мирабо. 22 июня 1772 года состоялось торжественное

бракосочетание графа Оноре Габриэля де Мирабо и Эмили де Кове. В октябре 1773 года у молодых родился сын Виктор.

Эмили была красива, умна и вроде бы очень богата. Но брак не принес Мирабо ни счастья, ни денег. Совсем наоборот. Конечно, он получил приданое, но не такое, как надеялся. Наследство, которое его жена могла бы получить со временем, было в очень далекой перспективе, а сорить деньгами Оноре стал все больше и больше, короче, очень скоро он был в долгах как в шелках.

Мирабо-отец решает вразумить сына. Для вразумления он, как уже говорилось, знал и систематически применял одно средство – «королевские письма». И вот в декабре 1773 года Мирабо-сын получает такое «письмо», пока что довольно милостивое: ему запрещено покидать родовое поместье, а значит – запрещено ездить в Марсель и брать в долг у ростовщиков.

Сын не растерялся и начал распродавать то, что было в замке: старинные портреты, драгоценности. Отец отвечает испытанным средством: он раздобывает новое «письмо», которым сыну предписывается перебраться в маленький городок Маноск.

Именно там Мирабо берется за перо и сочиняет свой первый труд: «Опыт о деспотизме». (Правильнее было бы его назвать «Эссе о деспотизме», но с тех пор, как у нас стали переводить «Essays» Монтеня, принято слово «эссе» переводить как «опыт».)

В Маноске начались новые неприятности. Жена стала изменять Мирабо; конечно, она лишь платила ему, как говорят поляки, *pienknym za nadobnie*, но он так не считал. Случалось ему и бить жену.

В конечном счете супруги разъехались – как оказалось, навсегда. «Моя ошибка была в том, что я ждал плодов от дерева, которое может давать только цветы», – скажет Оноре через несколько лет.

До сих пор он имел врага-отца – теперь получил еще и врага-жену. Совместными усилиями они раздобыли новое «письмо», которым Оноре был отправлен в замок Иф.

Впрочем, пребывание Мирабо в замке Иф мало чем походило на столь известное нам всем заключение Дантеса – графа Монте-Кристо. Он быстро очаровал коменданта, к тому же старый служака понимал, что сегодня граф Мирабо – его узник, а завтра, может быть, станет министром. Словом, узник за обедом сидел за столом коменданта и был желанным гостем в его доме.

Между тем маркиз Мирабо вел очередной процесс против своей жены, стараясь объявить ее сумасшедшей, и опасался, что сын и дочь встанут на ее сторону. Он понимал, что Оноре может оказаться опасным противником. А комендант в ответ на запросы давал о своем узнике самые лестные отзывы. И маркиз выхлопотал два новых «письма»: дочь, Луизу де Кабри, заключили в монастырь, а сына Оноре из крепости Иф переправили в форт Жу, в горах Юры, на границу с

Швейцарией.

Как и раньше, узник очень быстро очаровал коменданта крепости месье де Сен-Мори, и тот сначала стал ему позволять отлучаться из крепости в соседний город Понтарлье на несколько часов, потом — на несколько дней (Мирабо и комнату себе снял в местном трактире) и наконец стал смотреть сквозь пальцы на то, что Мирабо ездит в соседнюю Швейцарию. Впрочем, пока что Мирабо никуда не собирался бежать, так что какая, в сущности, разница, проводит он дни в Понтарлье или в Швейцарии?

Но здесь появляется «вторая женщина» в жизни Мирабо. Начинается его главный роман, великая любовь его жизни.

Дамы в Понтарлье быстро перестали замечать уродство Мирабо, его оспины и были очарованы новым дворянином в городе, обаятельным, исключительно умным и необычайно сладострастным. Он быстро закрутил там один-два романа. Между тем недавно умер король Людовик XV, и на престол взошел молодой Людовик XVI; и вот 11 июня 1775 года на банкете в честь коронации Оноре Габриэля посадили рядом с мадам Софи Монье.

Четырьмя годами раньше 18-летнюю Софи Рюффе выдали за 60-летнего чиновника, первого председателя счетной палаты Доля¹³ маркиза Монье. Она не была особенно красива, но отличалась хорошей фигурой и великолепным цветом кожи. Роман начался не сразу, но Мирабо зачастил в особняк Монье, очаровал хозяина, был принят как дорогой гость – и начал флирт с хозяйкой. Та готова была на флирт, пока что только флирт. И выразила свои сомнения: она слышала, что Мирабо непостоянен, она слышала, что у него есть другая связь. (Это, кстати сказать, соответствовало действительности, Мирабо тогда действительно крутил роман с некоей

¹³ Французские учреждения имели, как правило, много председателей – например, высший суд страны, Парижский парламент, имел 15 председателей и 30 советников. Но глава у учреждения был все-таки один; он именовался первым президентом. Таким президентом и был маркиз Монье.

Жаннетон Мишо.) Мирабо пылко возражал: «Это неправда, да и не может быть правдой – ведь я люблю другую».

Разумеется, и это было только флиртом – пока лишь флиртом. В отличие от прочих интриг и интрижек Мирабо, этот роман развивался не слишком быстро. Софи полгода противилась Мирабо, и только в конце года, в декабре, она стала его любовницей. А флирт мало-помалу перерос в великую любовь.

Муж до поры до времени ничего не замечал. Зато кое-что заметил и понял комендант Сен-Мори, который тоже был равнодушен к Софи. Мирабо получил приказ вернуться в форт Жу и не покидать его вплоть до новых распоряжений. Но 14 января Монье давали бал, на котором Мирабо должен был вести котильон; супруги вступились за гостя так горячо, что комендант дрогнул и дал Мирабо отгул на 4 дня.

Мирабо был на балу, вел котильон, но после бала исчез. Куда? Этого пока что никто не знал. Но мы знаем: он скрывался в покоях маркизы, а при малейшем шуме прятался в большом шкафу.

Несколькими годами позже, когда у обоих любовников за плечами был уже трагический опыт тюрьмы, разлуки, смертного приговора, произошла последняя встреча Мирабо и Софи. Явившись к своей возлюбленной, Мирабо узнал тот самый шкаф, в котором он прятался несколько лет назад. Шкаф был тот же, но любви уже не было. Впрочем, это будет не скоро, а пока что любовники провели вместе несколь-

ко счастливых дней, но... в людской обратили внимание на резко возросший аппетит маркизы. Мирабо пришлось перебраться в другой дом, откуда он вечерами навещал Софи. Однажды Мирабо застали перелезающим через забор и погнались за ним, как за вором. Мирабо остановился, назвал свое имя слугам и попросил, чтобы его провели к маркизу. Тому он наплел, что был в Берне, сейчас возвращается в Париж по вызову военного министра и просит его о ночлеге. Как ни странно, и это ему сошло с рук; а наутро Мирабо снова исчез, чтобы продолжить свои приключения.

Он объявился в Дижоне, столице Бургундии. Туда уехала и Софи – к своим родителям. Но оказалось, что встречаться, когда за Софи следили родные, еще труднее, чем когда она была при муже. Вскоре семья Софи добивается нового ареста Мирабо, он в замке Дижона.

Однако можно было думать, что и на этот раз ему все сойдет с рук. Во-первых, правитель провинции месье Монтеро сочувствовал и любовникам вообще, и лично Мирабо; кроме того, как раз в это время у власти в стране стояло либеральное правительство Тюрго-Мальзерб. Мальзерб собирался освободить Оноре Габриэля, но должен был считаться и с его отцом, который опять требовал строжайших мер против сына¹⁴. Пока он колебался, произошли политические пе-

¹⁴ Ситуация была несколько парадоксальной, поскольку Виктор Мирабо – один из лидеров прогрессивно мыслящих физиократов – выступал как истый аристократ старых времен, тогда как министр – «чиновник», «бюрократ» – защищал права человека и свободу личности. Но так бывает нередко: в политике человек

ремены: Тюрго был уволен в отставку, Мальзерб из солидарности последовал за ним. Напоследок он дал Оноре только один совет: поскорее бежать за границу. Тот не преминул это сделать, тем более что месье Монтеро не только посмотрел на это сквозь пальцы, но и снабдил «беглеца» почтовой каретой. Мирабо оказался в Швейцарии, в относительной безопасности.

А в августе 1776 года Софи Монье, после нескольких неудачных попыток, наконец удается бежать из Франции, и в маленьком городке Верьер она падает в объятия своего любовника. Несколько дней они наслаждаются безоблачным счастьем. К тому же Софи оказалась достаточно предусмотрительной и прихватила с собой солидную сумму денег (другое дело, что для Мирабо никакая сумма не оказалась бы достаточной). Затем они перебираются в Голландию.

Но теперь у Мирабо слишком много врагов, умение их создавать себе – одна из характерных его черт. Собственный отец, клан Мариньянов (родня его жены), маркиз Монье, клан Рюффе (родня Софи) – вот неполный перечень. К этому надо добавить, что правительство, если и не смертельный враг Мирабо, то уж никак не друг – после его обличительных памфлетов.

И вот над любовниками чинят суд, скорый и суровый. За «обольщение и похищение» Софи Монье граф Мирабо приговаривался к отсечению головы, а «похищенная» – к пожиз-

ненному заключению с проститутками (или, как это тогда называлось, «в доме для падших женщин»).

Пока что это решение было заочным. Но в момент его вынесения оба любовника были уже в лапах полиции, правда, голландской; но их следовало выдать французским властям. И какое-то время их охраняло только одно: долги, которые Оноре успел наделать в Амстердаме. Республика была буржуазной, и кредиторы не потерпели бы, чтобы их должнику отрубили голову, пока он не расплатился.

Но и это не помогло Мирабо. Отец из мести сыну согласился гарантировать его голландские долги, и экстрадиция состоялась. Маркиз торжествовал: «Я все-таки упрятал его под замок [он все же не хотел казни сына, и без особого труда добился ее замены пожизненным заключением. — А. Т.], хотя все желали, чтобы я предоставил его собственной судьбе. Моя совесть, которую я вопрошаю каждый день перед Богом в отношении этих людей, моя совесть говорила мне, что каковы бы ни были преступления, кои он сеет направо и налево, его судьбой в конечном счете будет колесование — и правосудие свершится над преступником, который носит наше имя».

Власти оказались более человечны, чем отец. Софи направили все-таки не в Сен-Пелажи (заведение для беременных проституток), а в исправительный дом. Это было менее позорно, но тоже не сахар. Софи делила комнату с четырьмя заключенными, одна из которых была безумна. В заведении

было много буйных сумасшедших.

...Но не пора ли нам вспомнить также и о другом герое нашего очерка – о Максимилиане Робеспьере? Пора-то пора, вот только сказать о нем почти что нечего.

Максимилиан Робеспьер был на 10 лет моложе Мирабо. Он родился в 1758 году в городе Аррас, столице провинции Артуа на севере Франции. По рождению он принадлежал к судейскому сословию; и его отец, и дед, и прадед были советниками суда, судьями или кем-то подобным. Иначе говоря, он не принадлежал ни к родовому дворянству, ни даже к так называемому «дворянству мантии» (так называли судейских чиновников высокого ранга), но для провинциального Артуа он принадлежал к верхушке третьего сословия, к семье с давними традициями и уважаемой в городе.

В возрасте 10 лет Максимилиан становится, по крайней мере формально, главой семьи: отец покинул их, и дети остались на попечении деда, фактически – сиротами (мать умерла еще раньше). Достаток семьи был подорван, и всю свою жизнь Робеспьер находился где-то на грани между «небогатый» и «бедный». Однако дедхлопотал для него стипендию в коллеже Людовика Великого, и двенадцать лет – с 1769-го по 1781 год – Максимилиан учится в Париже, сначала в коллеже, а затем на юридическом факультете Сорбонны. В 1781 году он возвращается в Аррас со степенью лицен-

циата прав и вскоре занимает место адвоката в королевском суде.

Молодой Робеспьер ведет ту жизнь, что и другие. Все пишут стихи – и он пишет стихи, без особого таланта, но ровные, изящные – о красоте природы. Пишет трактаты на темы морали; один из них был удостоен медали, и польщенный автор поспешил его издать.

Можно к этому добавить, что еще в школе Максимилиан подружился со своим одноклассником, неким Камиллом Демуленом. Их дружба позже сыграет немалую роль в судьбе обоих; но пока что мы можем только упомянуть о том, что два юноши подружились, и добавить к этому нечего. Поэтому вернемся к Мирабо.

Сорок два месяца, три с половиной года, он провел в Венсеннском замке. И на этот раз он узнал, что такое настоящая тюрьма, а не те посиделки с комендантами и отлучки в Швейцарию, что были в прежних. Нет, тут все было всерьез.

И все же любовники не сдаются. Им удастся наладить переписку: позже вся Европа плакала над письмами Мирабо.

Из писем Габриэля Оноре к Софи:

«Человек удовлетворен, когда находится в обществе тех, кого любит, – сказал Ла-Брюйер. Безразлично, думаем ли о том, чтобы разговаривать с ними, или молчим, думаем ли о них или о чем-нибудь постороннем, важно только одно – быть с ними. Друг мой, как это верно! И как верно, что к этому мы так привыкаем, что без этого жизнь делается невозможной. Увы! Я это хорошо знаю, я должен это хорошо знать, так как уже три месяца томлюсь вдали от тебя, уже три месяца ты мне не принадлежишь, и мое счастье кончено. И все же, просыпаясь утром, я ищу тебя, мне кажется, что мне недостает половины меня самого, – и это правда».

«Я могу пожертвовать тебе всем, но не твоей любовью. И я не думаю, что это не великодушно; в тот день, когда ты будешь так думать, я накажу себя за это; но я чувствую, что

я люблю и не думаю, чтобы кто-нибудь из всех людей любил сильнее меня; в моем сердце столько энергии и сил, сколько нет у других, и не один возлюбленный не обязан так много такой нежной возлюбленной, как Габриэль Софии».

«Я хотел владеть тобой и быть только твоим другом, потому что жестоко боялся любви. Ты нравилась мне своей молодостью и красотой и была соблазном для моей души. Все сближало нас еще тесней. Подвижная и чувствительная, хотя желающая скрыть свою чувствительность, ты поражала и трогала меня. Ты увлекала меня от дружбы к любви, и я искренно говорил тебе, что не мог быть твоим другом. Тонкие остроты, слетающие молниеносно с твоих уст и удивляющие своей неожиданностью, пленяли меня, и когда я думал, я был взволнован.

Это волнение меня беспокоило.

Но я разуверял себя, я говорил себе: я столько видел женщин, у меня было столько возлюбленных! Она так неопытна! Как она может победить! Это ребенок. Но этот ребенок, такой нежный, льстил моему самолюбию жадным вниманием, с каким он слушал меня. То, как он считался с тем, что я говорил, и оценивал каждое мое слово, восхищало меня и делалось для меня необходимым. Мы любили друг друга, не желая признаваться себе в этом. Моя София, такая простая и наивная, казалась мне образцом искренности и чувствительности: ей не хватало только страстности, но любовь

втихомолку обещала мне и это. Она не походила ни на кого и была даже странной, но все так шло к ней, даже суровый вид, что мне хотелось овладеть ею, и что-то уверяло меня, что я добьюсь своего. Я не ошибся, но, соблазняя, я соблазнился сам – этого я не ждал и даже боялся. Каким я был безумцем! От такого счастья хотел отказаться! Я ставил любовь выше гордости. Прости меня, моя София, прости. Я не знал наслаждений взаимной нежности, только ты заставила меня вкушать их. Я искупил свое преступление. Я люблю свои цепи сильнее, чем боялся их».

Но Мирабо – не только любовник, и даже не столько. Он журналист и политический мыслитель. В тюрьме он пишет свой «Опыт о королевских письмах и государственных тюрьмах» – область, где он имел право считать себя экспертом первого ранга.

В 1778 году умер маленький Виктор Мирабо, единственный законный ребенок Оноре Габриэля. Поскольку родственники Мариньянов были заинтересованы в том, чтобы у Эмили не было потомства (финансовые вопросы), поползли слухи об отравлении. Так ли это было или нет – скорее, нет, – это было еще одним ударом для Оноре Габриэля. Когда он сообщил об этом Софи, та ответила: «О друг, значит, у нас больше нет нашего дитя, ведь я считала твоего сына своим!»

Однако эта смерть сыграла в жизни Оноре и положительную роль. Его отец призадумался: он ненавидел сына, но не

хотел, чтобы род на нем оборвался. На младшего брата, Мирабо-Бочку, в этом смысле надежды были плохи. Получалось, что если он хотел, чтобы род продолжался, надо было освободить сына и каким-то образом помирить его с женой.

Впрочем, и после этого дело тянулось добрых 2 года, и за это время умерла также и маленькая Софи Габриэль, незаконная дочь Мирабо от Софи. Мирабо никогда не видел своей дочери, но горько оплакивал ее. А между тем отец продолжал свою игру: пусть сын покается перед Мариньянами, пусть вернется к жене. Оноре Габриэль сильно морщился, но жизнь в тюрьме и горе сделали его более уступчивым; он написал несколько очень искусных писем Эмили и тестю. В конце концов, 13 декабря 1780 года ворота Венсеннского замка открылись и Мирабо вышел на свободу.

Правда, это была та еще свобода: его выпустили из тюрьмы, но отдали под власть отца. Это было невесело. Мы знаем, что Пушкин в сходных обстоятельствах в октябре 1824 года умолял Жуковского: «Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем».

Пушкин был романтиком, Мирабо был старше, циничнее и разумнее (по крайней мере, в житейском смысле), он все-таки предпочитал Венсенну отца. Притом у отца был свой интерес: он хотел сделать сына союзником в борьбе против своей жены (то есть матери Оноре), которая вела с маркизом борьбу за развод.

А пока Оноре пришлось... попроситься обратно в тюрь-

му, не в камеру, но на постой.

Между тем его отец проиграл процесс и оказался почти что разорен. Но что было для него еще хуже – общественное мнение приняло сторону его жены. «Либерал» был заклеен как семейный тиран (давно пора было), правительство стало на сторону общественного мнения, и меньше чем через 2 недели также и его дочь Луизу де Кабри (ее он тоже, как помнят читатели, упрятал под замок) освободили.

Это пошло Оноре тоже на пользу. Оказавшись «у позорного столба общественного мнения», Виктор Мирабо решил, что лучший способ как-то поправить свою испорченную репутацию – простить сына. И вот в мае 1781 года наконец-то состоялось свидание сына с отцом. Они не виделись 9 лет.

Отец (великодушно, как он считал) предложил сыну пожить некоторое время у него в замке Биньон, ведь он очень хотел помирить его с Эмили и добиться продолжения рода. Оноре согласился, но приехал не сразу. По дороге на Биньон он сделал крюк и заехал в небольшой городок Ножан-сюр-Верниссон. Там в монастыре содержалась Софи Монье. Это была не тюрьма, монастырь был, как сейчас убедится читатель, довольно комфортабельным, но все же Софи находилась в заключении, и притом за ограду монастыря допускался один-единственный мужчина – врач, доктор Изабо. Мирабо так растрогал его рассказами о своих страданиях, что тот согласился быть пособником в довольно рискованном пред-

приятии. Вечером Мирабо, надев поверх своей одежды робу садовника, проскользнул в монастырь (доктор в это время отвлекал внимание привратницы) и, пройдя вслед за доктором коридорами, добрался до маленькой гостиной. Софи упала в его объятия, любовники провели вместе 5 дней. Но... она по-прежнему его любила, а он – уже нет.

Через пять дней доктор Изабо сообщил Мирабо, что его срочно кто-то хочет видеть, тот воспользовался случаем и выбрался из монастыря. Как оказалось, полиция уже напала на след Мирабо, и самым разумным для него было побыстрее укрыться в Биньоне, куда он, собственно, и собирался. Так он и поступил. Переписка с Софи какое-то время еще продолжалась, потом угасла.

Прошло 8 лет. Мирабо уже ринулся в большую политику, а Софи решила искать новую любовь, но что-то у нее не сложилось. В начале сентября 1789 года Софи наложила на себя руки. В те дни имя ее прежнего любовника гремело по всей стране. Мирабо был тогда самым знаменитым человеком во Франции; но что было до этого Софи? Она зажгла жаровню, а чтобы помешать себе спастись (она могла бы это сделать, открыв окно), сама себя крепко привязала к креслу. Мирабо получил известие о смерти женщины, которая стольким для него пожертвовала и которую он когда-то (что ни говори) так любил, как раз в момент важнейших прений по вопросу о королевском вето. Мирабо ежедневно выступал, он выбивался из сил. Все же, услышав о ее смерти, он сказал,

что не будет брать слова, и вышел из зала заседаний.

Однако вернемся в 1781 год. Оноре наконец с двухнедельным опозданием прибыл в замок отца, где провел несколько месяцев. Отношения этих двух умных людей были неважными, но оба считали полезным разыгрывать что-то вроде комедии дружеских чувств. «Я разыграл сцену из Цинны¹⁵, предложив ему дружбу», – снисходительно писал маркиз к Бальи.

После выхода из тюрьмы происходят, один за другим, два процесса. На этот раз – по инициативе самого Мирабо. В феврале 1783 года Мирабо сам, добровольно, является в Понтарлье, чтобы опротестовать все еще висящий над ним приговор.

Как отличный юрист, он решил использовать юридический просчет судей. Приговор был вынесен за «обольщение и похищение» Софи Монье. Однако по французскому законодательству термин «обольщение» мог применяться только к девушке. «Как же я мог, – иронизировал Мирабо, – „обольстить“ даму, которая уже 4 года была замужем?!» Что же до «похищения», то и тут обвинение было необидительным:

¹⁵ «Цинна, или великодушие Августа» – одна из самых знаменитых трагедий французской классики, шедевр Корнеля. Цинна возглавляет заговор против Августа, но в кульминации Август великодушно милует всех заговорщиков, обещая Цинне не только прощение, но и новые милости: «Ты милости презрел – я их удвою сам». («Цинна», акт 5, сц. 3.)

Мирабо без труда доказал, что Софи сама, по своей воле, приехала, более того – прискакала верхом к нему в Швейцарию. Тоже мне «похищение»!

Тем не менее затея была рискованная, поскольку силы, противостоявшие Мирабо, были слишком велики. Но он верил в себя – и выиграл. Притом он выиграл не только процесс: он доказал свою ораторскую мощь. Речи, произнесенные им на суде (а он защищал себя сам, без адвоката), читала вся Франция.

Тут даже отец его похвалил. Но потребовал, чтобы он тут же начал второй процесс: против своей жены. Оноре подчинился и явился в суд с требованием, чтобы Эмили вернулась к нему.

Нам может показаться странным, что муж возбуждает судебное дело против жены с требованием, чтобы она к нему вернулась, но, по тогдашним законам и обычаям, подобная постановка вопроса была делом обычным и нередким. На этот раз Оноре проиграл дело, но зато вновь заставил всю Францию следить за собой. Одна из его речей была направлена в основном против адвоката Эмили Порталиса. Заключительная фраза его звучала так: «Если адвокат со всем красноречием извергает лживые декларации, клевету, если он передергивает документы, которые он цитирует... такой человек – продавец лжи и клеветы!»

Мирабо кончил, Порталис встал, чтобы ответить... и упал. Он потерял сознание, не вынеся словесных ударов сво-

его противника. Не часто бывает, чтобы юрист сбил с ног своего противника не в переносном, а в буквальном смысле слова.

Примерно тогда же, когда вся Франция следила за процессом Мирабо – не то чтобы затаив дыхание, но с огромным интересом, будто полуфинальный футбольный матч на первенство мира, – в это же время Робеспьер выигрывает свой первый громкий (ну, громкий для Арраса) процесс.

Некто Виссери, увлекавшийся физикой, решил испытать изобретение Бенджамена Франклина (да-да, того самого, со столондаровой купюры) и установил у себя на доме громоотвод. Общественные власти забеспокоились: а вдруг громоотвод притянет молнию? Громоотвод приказано было убрать «как опасный для общественного порядка».

Виссери заартачился и обратился за помощью к Робеспьеру. Молодой адвокат охотно взялся за дело: Америка, Бенджамин Франклин и наука были тогда в большой моде, а среди людей прогрессивных взглядов – в особенности. Дело он выиграл; свои речи по этому делу опубликовал отдельной брошюрой и приобрел определенную известность в своей провинции.

Упомянем еще одно дело адвоката Робеспьера. Служанка одного из друзей Робеспьера претендовала на небольшое наследство, друг попросил Максимилиана помочь ей, он согласился и также выиграл дело.

Интерес тут заключается в том, что другом, о котором

идет речь, был молодой офицер Карно; через несколько лет он станет коллегой Робеспьера в Комитете общественного спасения, станет «Организатором Победы» (так его назовут современники), потом – членом Директории, изгнанником, министром Наполеона, снова изгнанником... Но это все будет не скоро, пока же Максимилиан Робеспьер и Лазарь Карно – просто два представителя высшего слоя третьего сословия Арраса, таких как они во Франции – не то чтобы миллионы, но с десятков тысяч наберется.

Робеспьер становится академиком. Но академия тех времен – не то, что наша; это не слишком солидное учреждение. Маркизу Кондорсе, к примеру, родные *запрещали* быть академиком: для маркиза это не слишком-то солидно. Для такого солидного буржуа, как Робеспьер, это, конечно, честь, но ничего особенного в этом нет.

1780-е годы на переломе.

Мирабо завоевал себе репутацию, хотя и крайне двусмысленную, что ему очень сильно аукнется в дальнейшем, но очень яркую.

Он свел полезные знакомства. Во время новой поездки в Швейцарию, куда он отвез издателю свои сочинения, он познакомился с людьми, имена которых будут очень громко звучать в Революцию, а пока что малоизвестны. Это француз Жан-Жак-Пьер Бриссо и его друзья-швейцарцы Клавьер и дю Ровре. Позже они станут – один лидером жирондистов, другой министром финансов, а третий секретарем Талейрана. Но до этого, в первые годы революции, они будут сотрудниками и «неграми» Мирабо, будут писать для него речи.

Устроилась и его личная жизнь. В нее вошла третья женщина, которая на 4 года станет его подругой.

В 1784 году он явился в Париж с очередной любовницей, мадам де Сент-Оран. Она только что сбежала от мужа, и ей не хотелось уж слишком афишировать свою связь, тем более что муж гнался за ней по пятам. Поэтому они приехали в Париж не вместе, и, чтобы отвести подозрения, она решила поселиться не у любовника, а с подругой, лучше в монастыре. И вот мадам Сент-Оран явилась в монастырь Малолетних сирот и поселилась в комнатах одной девушки, с кото-

рой была дружна. Та была по рождению голландкой, звали ее Генриетта Амели Дюфур, она была незаконной дочерью некоего Вильяма ван Харена, а в монастыре поселилась под именем-анаграммой: Харен – Нера. Так под именем госпожи Нера она и вошла в историю.

Гостья тут же сообщила хозяйке, что ждет любовника. Та возмутилась и сказала, что не собирается держать им свечку, да к тому же по вечерам в монастырь мужчин не пускают. Госпожа де Сент-Оран послала Мирабо записку, чтобы он не приходил. Тот возмутился и все-таки явился, чтобы вразумить молоденькую девчонку, ставшую ему поперек дороги.

Впервые увидев этого толстого и рябого мужчину, госпожа Нера вздрогнула от ужаса. «Его лицо мне не понравилось невероятно, я даже попятилась от страха», – призналась она впоследствии.

А Мирабо через несколько дней бросил мадам Сент-Оран и начал ухаживать за ее подругой. Вскоре она уступила Мирабо, хотя не была пылко влюблена. Любовницей она была нежной, но холодной (впрочем, Мирабо легко утешался с другими женщинами), однако она уступила потому, что устоять против Мирабо было невозможно. И в следующие 4 года она была, как сказали бы мы, гражданской женой Мирабо.

Софи Монье страстно любила Мирабо, да и он ее искренне любил. Она даже была умна, но почти не образованна, у нее был узкий круг интересов, и говорить с ней Мирабо мог только о любви. Он и говорил, а потом писал пламенные

письма. Но больше-то говорить было не о чем.

Отношения же с мадам Нера были гораздо более ровными и спокойными. Но с ней Мирабо было интересно: она была не только умна, но и хорошо образована.

Если с официальной женой, Эмили де Кове, ему катастрофически не повезло (сам виноват!), а любовь его жизни, Софи Монье, принесла ему множество бед, то на третий раз ему просто исключительно повезло. Не будучи пылкой любовницей, госпожа Нера была зато для Мирабо верным, надежным и очень полезным другом. Несколько раз она спасала его от очередного «королевского письма» то ли своевременным бегством, то ли хождением к министру (в те времена получить «письмо» было сравнительно просто, но и избавиться было не очень трудно, поскольку министры уважали титулованную знать). Она была его, так сказать, литературным секретарем, и если б Генриетта Амели не сидела над черновиками Мирабо, его четырехтомный труд о прусской монархии мог бы вообще не появиться. Ну, а в свободное время она пыталась как-то наладить его финансы, свести концы с концами.

Ей было тогда всего 19 лет, но у девушки была деловая хватка. Возможно, сказывалась голландская кровь. Перебравшись на квартиру Мирабо на Шоссе д'Антен, она первым делом подсчитала расходы и доходы и поняла, что дальше так жить нельзя. И что же она сделала? Поступила так, как должна поступать всякая домохозяйка и всякий государ-

ственный муж (впрочем, хозяйки так поступают не всегда, а государственные мужи – никогда, но это уж другой вопрос). Она продала лошадей, продала собственную мебель, рассчитала слуг, уплатила неотложные долги и... начала выдавать Оноре Габриэлю деньги лишь на самое необходимое.

Жизнь Мирабо стала налаживаться.

В 1786 году Оноре Габриэль вместе с Иэт-Ли (так он, сокращая ее имена, ласково звал госпожу Нера) и маленьким сыном от другой женщины едет в Пруссию. Как многое в жизни Мирабо, и эта поездка была двусмысленной: не то он беглец, не то – посол по особым поручениям... С одной стороны, Мирабо, основательно рассорившемся с министром финансов Калонном, следовало быть подальше от Франции: это было почти бегство. Но с другой – министр иностранных дел Верженн снабдил его рекомендательным письмом; Францию очень интересовало, что делается в быстро поднимающейся Пруссии, и кто же лучше Мирабо сумеет разобраться в тамошних делах и объяснить это министрам?

Министр сделал верный выбор: письма Мирабо о Пруссии, расстановке там политических сил и прочем были необычайно ценными. Талейран писал Мирабо из Парижа: «Вашими посланиями довольны; король читает их с большим интересом. Вашу работу оценили по заслугам».

Насчет последнего, однако, Талейран ошибался или просто хотел написать другу приятное. Правительство не смогло по заслугам оценить Мирабо, через 30 лет Шатобриан (великий писатель и посредственный дипломат), будучи послом Франции в Берлине, писал: «Я был поражен легкомыслием, бездарностью правительства, читавшего послания такого че-

ловека и так и не понявшего, с кем имеет дело».

В Пруссии Мирабо провел несколько лет, и плодом его пребывания стал 4-томный труд о прусской монархии. И здесь он оказался не совсем чист: ведь писал его не он один. Не говоря уж о преданной жене и секретарше мадам Нера, ему очень помог его прусский друг майор Мовильон, которому, собственно говоря, принадлежит вся статистическая часть книги, и несколько других «негров». Мовильон, восхищавшийся Мирабо, считал себя удовлетворенным тем, что смог помочь великому другу. Однако другие «негры» были более амбициозны, и это привело если не к разрыву отношений, то к новым трениям Мирабо со своими сотрудниками.

Пока Мирабо находился в Пруссии, во Франции быстро нарастал политический кризис. В декабре 1786 года правительство вынуждено было созвать совещание нотаблей в надежде, что это поможет найти деньги. Вместо этого, как уже говорилось, разразился общий политический кризис.

Началась революция в провинциях (Париж пока что оставался спокойным). В 1788 году правительство вынуждено было объявить о созыве Генеральных Штатов.

Терминология Франции не совпадала с английской (и с нашей современной). Как уже упоминалось, во Франции «парламентом» назывался верховный суд королевства (а точнее, верховные суды, ибо во Франции было более дюжины парламентов для разных автономных областей), а Генеральными Штатами именовалось то учреждение, которое мы называем парламентом, – собрание депутатов от трех сословий, которое короли собирали, чтобы попросить у сословий деньги и вообще в важных случаях. Разница была в том, что Генеральные Штаты, в отличие от английского парламента, собирали нерегулярно, и в последний раз – в 1614 году, то есть 175 лет назад!

Мирабо, человек крайне эмоциональный, мечется от отчаяния к надежде, даже к эйфории. Осенью 1787 года, ненадолго вернувшись во Францию, он пишет Мовийону: «Я вер-

нулся истомленный и нахожу здесь все ужасы позора и безумия, вступившие между собой в заговор, чтобы погубить мою страну. Нация, которая полгода назад была здорова, теперь погибла, унижена, обесчещена... Невозможно, чтобы человек, думающий и чувствующий, не был потрясен всем этим, разуму же человеческому не дано знать, чем все это кончится. Едва ли можно предусмотреть другое лекарство, кроме избытка зла».

А через год, на следующий день после того, как было официально объявлено о созыве Генеральных Штатов, он пишет ему же: «За сутки страна шагнула на целый век вперед!» Это было в августе 1788 года; но еще за несколько месяцев до того (а в такие времена месяцы действительно равняются если не векам, то десятилетиям) Мирабо уже видел, к чему идет дело, и писал: «Франция созрела для революции».

Созыв Штатов был назначен на май 1789 года, а выборы проходили в начале этого года. Разумеется, Мирабо хочет быть депутатом. Он отправляется на родину, в Экс, чтобы выставить свою кандидатуру. Но для этого нужны деньги, и Мирабо затевает новое дело, обошедшееся ему очень дорого.

Нет, не в финансовом отношении. Книга, о которой пойдет речь ниже, имела успех, в том числе и финансовый. Но печально было то, что Мирабо рассорился со многими и, что главное, эта история привела к разрыву с Иэт-Ли.

Ее прощальное письмо не похоже на страстные письма,

которые в изобилии писала ему Софи Монье: оно просто грустно. «Я хотела бы, чтобы вы были мудры и счастливы. Я всем сердцем желала бы, чтобы вы воссоединились с госпожой Мирабо или связали себя с порядочной женщиной. А ваша нынешняя связь вас бесчестит: вы попали в отвратительные руки...»

Она, как обычно, была права: Мирабо связался с редкой красавицей, но и исключительной сволочью, и снова сам себе устроил массу неприятностей, рассорился с друзьями и нажил врагов.

Эвелина Лежей была женой издателя Мирабо, красавицей и интриганкой. В отличие от министров и честных людей, она сразу оценила Мирабо, решила любой ценой его к себе привязать, тем более что цена, с ее точки зрения, была более чем приемлемой. Но издательство было близко к банкротству. Эвелина, получив доступ к бумагам своего любовника, соорудила публикацию его частных писем, в которых он описывал нравы прусского двора. В какой мере сам Мирабо был ответствен за публикацию, не вполне ясно, но маловероятно, чтобы он в этом деле был «белым и пушистым». Сам он уверял, что один из его тайных сундуков взломали, письма выкрали, да еще и исказили. Но вряд ли стоит безоговорочно ему верить. Во всяком случае, читатели рвали «Тайную историю берлинского двора» из рук, публикация принесла ему немного денег, которые были ему очень нужны для избирательной кампании, но также и массу неприятностей.

Нарушение тайны дипломатической переписки вызвало раздражение у властей, глава правительства Неккер, и без того враг Мирабо, получил новый повод считать, что тот неисправим; обиделся дружественно настроенный по отношению к Франции принц Генрих Прусский, но, может быть, главное – очень обиделся Талейран. В письмах шла речь, среди прочего, о его финансовых махинациях; дружба оказалась разорвана, и это тоже стало одной из помех на дальнейшем пути Мирабо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.